

ВѢСТНИКЪ

СВЯТОГОНЬСКИХЪ.

Годъ VIII. Выпускъ 12-й 1911 г.

Отъ 1-го Ноября.

РАЙ И АДЪ, ВѢЧНОЕ БЛАЖЕНСТВО И ЖУЧЕНІЕ.

Непрѣменно все люди воскреснутъ. Въ этомъ увѣряетъ насъ слово Божіе и свидѣтельство окружающей насъ природы. Каждогодное умираніе природы осенью и обновленіе ея весной не есть ли образъ воскресенія нашего? Возьмите напр. мотылька. Когда онъ

живеть въ видѣ гусеницы, ему нужно много пищи, онъ только тѣмъ и занятъ что питается. Когда же придетъ его время, онъ обращается въ куколку и нѣсколько дней лежитъ какъ бы мертвый или сонный. Когда же выходитъ изъ куколки въ преображенномъ видѣ, въ видѣ красиваго мотылька, порхающаго по воздуху, онъ уже не имѣетъ нужды въ питаніи, онъ только живеть какъ бы только радуется своей жизнью и хвалить тѣмъ Бога. Это отдаленный образъ воскресшаго человѣка, праведника.

Въ Евангеліи отъ Іоанна говорится: «Наступаетъ время, когда всѣ, сущіе во гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ творившіе доброе въ воскресеніе жизни, а творившіе злое въ воскресеніе суда.» (5 гл. 28-29.) «Сія же есть воля пославшаго Мя, да всякъ, кто видитъ Сына и вѣруетъ въ Него, пріиметъ жизнь вѣчную, и Я воскрешу его въ послѣдній день» (6 гл. 40.) «Ядущій Мою Плоть и піющій Мою Кровь имѣетъ жизнь вѣчную, и Я воскрешу его въ послѣдній день» (6 гл. 54.) Въ посланіяхъ Апостола Павла есть нѣсколько мѣстъ, свидѣтельствующихъ о воскресеніи мертвыхъ. «Живемъ ли, ради Господа живемъ; умираемъ—ради Господа умираемъ. Итакъ, живемъ ли, умираемъ ли, всегда мы Господни. Для того и Христосъ и умеръ и воскресъ и ожилъ, чтобы обладать и мертвыми и живыми». (Рим. 14 гл. 9.) «Не хочу, братія, оставить васъ въ невѣденіи объ усопшихъ, чтобы не скорбѣли вы, какъ и прочіе, не имѣющіе упованія. Если вѣруемъ, что Іисусъ умеръ и воскресъ, то и усопшихъ въ Іисусѣ Богъ приведетъ съ Нимъ. И сіе говоримъ вамъ словомъ Господнимъ, что мы, живущіе, оставшіеся въ пришествіе Господне, не предупредимъ усопшихъ, ибо Самъ Господь, когда повелѣніе будетъ, при гласѣ Архангела съ гласомъ трубы Божіей, спидетъ съ небеси, и мертвые во Христѣ воскреснутъ первыя; потомъ же мы, живые, оставшіеся, купно съ ними восхищены будемъ на облакахъ въ срѣщеніе Господне на воздухъ, и такъ всегда съ Господомъ будемъ». (Сол. 4 гл. 13-17.)

«Вѣдомо же намъ, что когда земная наша храмнина тѣла разорится, мы имѣемъ созданіе Божіе, храмину перукотворенную, вѣчную на небесахъ. О семъ и водыхаемъ, желая облечься въ жилище наше небесное, только бы намъ и облеченнымъ не оказаться нагими. Ибо, оставаясь въ тѣлѣ семъ, водыхаемъ подъ бременемъ, потому

что не хотимъ совлечься но облечься (въ небесное тѣло) такъ, чтобы смертное поглощено было жизнію. На сіе самое (на такое преобразование) и создалъ насъ Богъ, на то и далъ намъ обрученіе Духа. Итакъ мы всегда въ увѣренности: знаемъ, что живя въ тѣлѣ, мы странствуемъ отъ Господа, ибо вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ, посему имѣемъ дерзновеніе и желаемъ лучше оставить тѣло свое и водвориться у, Господа, и къ тому стремимся, чтобы и входя и отходя быть угодными Ему. Ибо все мы должны явиться (какъ есть) на судищѣ Христовомъ со всемъ, что сдѣлалъ каждый въ тѣлѣ своемъ и добраго и злого, дабы каждый пріялъ себѣ должное.» (2 Кор. 5 гл. 1-10.)

«Если же въ сей только жизни падѣмся на Христа, то мы несчастнѣе всехъ человѣковъ. Но вотъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ (воскресенія) изъ умершихъ. Ибо, какъ смерть чрезъ человѣка (пришла), такъ чрезъ человѣка и воскресеніе мертвыхъ. Какъ въ Адамѣ все умирають, такъ во Христѣ все оживутъ, каждый въ своемъ порядкѣ—первенецъ Христосъ, потомъ Христовы сущіе въ пришествіе Его. А затѣмъ конецъ, когда Онъ предастъ царство Богу и Отцу, упразднивъ всякое начальство и всякую власть и силу, Ибо подобаетъ Ему царствовать, доколѣ низложитъ (Богъ) всехъ враговъ Его въ подножіе ногъ Его (Пс. 109.) Послѣдній же врагъ упразднится смерть.» (1 Кор. 15 гл. 19-26.) «Первый человѣкъ изъ земли—перстный; второй человѣкъ—Господь съ небеси. Каковъ перстный, таковы и перстные, и каковъ небесный, таковы и небесные; и какъ мы носили образъ перстнаго, будемъ носить и образъ небеснаго.—Но то скажу вамъ, братія, что плоть и кровь Царства Божія наследовать не могутъ, и тлѣніе не наследуетъ нетлѣнія. Се тайну возвѣщаю вамъ: не все мы уснемъ (смертнымъ усненіемъ), но все измѣнимся—вдругъ, во мгновеніе ока, при послѣдней трубѣ: вострубитъ, и мертвые воскреснутъ нетлѣнными а мы измѣнимся, ибо тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и смертному сему облечься въ безсмертіе. Когда же тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда сбудется слово написанное: «поглощена смерть побѣдою» (1 Кор. 15 гл. 47-54.)» Иной можетъ быть скажетъ: какъ же воскреснутъ мертвые? и въ какомъ тѣлѣ придутъ? Неразумный человѣкъ!

вѣдь то, что ты сѣешь, не оживетъ если не умретъ. И когда сѣешь, не тѣло будущее сѣешь, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое. Но Богъ даетъ ему тѣло, какъ хочетъ, и каждому сѣмени свое тѣло. Не всякая плоть одинаковая плоть; но иная плоть у человѣка, иная у скотовъ, иная у рыбъ, иная же у птицъ; Есть тѣла небесныя и тѣла земныя; но иная слава небеснымъ и иная земнымъ. Иная слава солнцу, и иная слава лунѣ, и иная звѣздамъ: и звѣзда отъ звѣзды разнится во славу.—Такъ и въ воскресеніе мертвыхъ: сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи; сѣется въ безчестіи, возстаетъ въ славу; сѣется въ немощи, возстаетъ въ силу: сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное. Есть тѣло душевное и есть тѣло духовное. Такъ и написано: «былъ первый Адамъ—стала душа живая» (Быт. 2.); послѣдній же Адамъ—духъ животворящій. И не духовное прежде, а душевное, потомъ же духовное». (1 кор. 15 г. 35-46.)

Останавливаемъ вниманіе на послѣднемъ приведенномъ текетѣ, такъ какъ онъ разъясняетъ какимъ образомъ земная жизнь человѣка предрѣшаетъ его загробное состояніе. Приводя примѣры разнообразныхъ тѣлъ въ природѣ, Апостолъ разумѣетъ подъ ними только человѣческія тѣла въ совокупности съ ихъ душами, т. е. человѣческія жизни. Это несомнѣнно такъ, потому что ни свѣтила небесныя, ни животныя не будутъ имѣть вѣчной жизни. Разнообразіе приведенныхъ тѣлъ и различіе силы свѣта небесныхъ свѣтилъ указываютъ на разнообразіе жизней человѣческихъ съ ихъ плотскимъ, душевнымъ или духовнымъ настроеніемъ. Примѣръ посѣва зерна означаетъ то же. Что человѣкъ посѣетъ эту временную жизнь, то и пожнетъ въ вѣчности. И тѣло получить, сообразное своему положенію тамъ. Если ты посѣялъ кропиву злобы, то не жди произростанія доброй пшеницы? Если въ этой жизни сѣялъ нерадѣніе и лѣность, то какъ рвѣчаешься вѣнцомъ подвижника? Если въ этой жизни ты добра не дѣлалъ, то какъ будешь его дѣлать тамъ, не имѣя къ тому никакого навыка, ни расположенія? Если въ этой жизни ты погрязалъ въ самоугодіи, то какъ тамъ будешь угождать Богу? Если въ этой жизни ты жилъ по плоти, то тамъ тебѣ печѣмъ будетъ удовлетворить своихъ стремленій ибо нѣтъ тамъ ни вкусныхъ яствъ, ни роскошныхъ питій и дѣла плотскія,

грѣховныя не имѣютъ тамъ мѣста. Сѣющій въ плоть, отъ плоти получить тлѣніе, а сѣющій духъ, отъ духа получить жизнь вѣчную. Этотъ законъ неизмѣнности состояній человѣческой души, или по пословицѣ: что посеешь, то пожнешь, — не только предрѣшаетъ блаженную или мучительную вѣчность для человѣка, но указываетъ каждому человѣку его мѣсто въ царствѣ славы т. е. въ Раю или въ царствѣ тьмы т. е. въ Аду. Ты скажешь: развѣ милосердіе Божіе и любовь святыхъ не въ силахъ измѣнить судьбу грѣшника послѣ общаго суда Божія? Нѣтъ. Для этого потребовалось бы переустройство міра. Въ притчѣ о Богатомъ и Лазарѣ Спаситель говоритъ устами патриарха Авраама богачу, мучающемуся въ Аду: «между вами и нами пропасть великая создалась». Да, правда это, между добромъ и зломъ — большая пропасть, какъ и между жизнью праведника и грѣшника. По закону развитія злобы и добра т. е. любви, который не перестанетъ дѣйствовать и въ вѣчности, злой будетъ болѣе озлобляться, а праведный болѣе возвышаться въ добродѣтели и приближаться къ Богу, въ чемъ и будетъ истинное его блаженство, такъ же какъ и для грѣшника отчужденіе отъ Бога, терзанія въ совѣсти, зависть и злоба будутъ составлять его внутренній огонь т. е. Адъ.

Но говоря о внутреннемъ состояніи блаженства или мученія человѣка въ вѣчности, надо помнить и то, что кромѣ того будетъ и нѣчто внѣшнее — мучающее или Адъ и нѣчто улаждающее или Рай. Отсылая въ муку грѣшниковъ Іисусъ Христосъ скажетъ имъ: «идите отъ Меня проклятіи во огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его». Также и праведники услышатъ вождѣленный гласъ: «Приидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царство отъ сложенія міра». Это блаженное Царство славы у Евангелиста Іоанна Богослова въ Откровеніи описано подъ видомъ святаго Іерусалима, сходящаго съ небеси отъ Бога «такъ: онъ имѣетъ славу Божію; свѣтило его подобно драгоцѣннѣйшему камню яспису кристалловидному; онъ имѣетъ большую высокую стѣну, имѣетъ двѣнадцать воротъ и на нихъ двѣнадцать ангеловъ, на воротахъ написаны имена двѣнадцати колѣнъ сыновъ Израилевыхъ: съ востока трое воротъ, съ сѣвера трое воротъ, съ юга трое воротъ, съ запада трое воротъ. Стѣна города имѣетъ двѣнадцать основаній, и на нихъ имена двѣнадцати Апостоловъ Агнца... Городъ распо-

жепъ четыреугольникомъ и длина его такая же какъ и широта... на двѣнадцать тысячъ стадій; длина, широта и высота его равны. Стѣна его построена изъ ясписа, а городъ былъ чистое золото, подобенъ чистому стеклу. Основанія стѣны города украшены всякими драгоценными камнями: основаніе первое ясписъ, основаніе второе—сапфиръ, третье—халкидонъ, четвертое—смарагдъ пятое—сардоликъ, шестое—сардоликъ, седьмое—хризолифъ, восьмое—вирилль, девятое—топазъ, десятое—хрисопрасъ, одиннадцатое—гіацинтъ, двѣнадцатое—аметистъ. А двѣнадцать воротъ—двѣнадцать жемчужинъ: каждая ворота были изъ одной жемчужины. Улица города чистое золото, какъ прозрачное стекло. Храма же я не видѣлъ въ немъ, ибо Господь Богъ Вседержитель—храмъ его, и Агнецъ. И городъ не имѣлъ нужды ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ для освѣщенія своего, ибо слава Божія освѣтила его, и свѣтильникъ его—Агнецъ. Спасенные народы будутъ ходить во свѣтѣ его, и цари земные принесутъ въ него славу и честь свою. Врата его не будутъ запираются днемъ, а ночи тамъ не будетъ. И принесутъ въ него славу и честь народовъ; и не войдетъ въ него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только тѣ, кои написаны у Агнца въ книгѣ жизни. И показалъ мнѣ чистую рѣку воды жизни, свѣтлую какъ кристалль, исходящую отъ престола Бога и Агнца. Среди улицы его, и по ту и по другую сторону рѣки, древо жизни, двѣнадцать разъ приносящее плоды, дающее на каждый мѣсяцъ плодъ свой; и листья дерева для исцѣленія народовъ. И ничего уже не будетъ проклятаго, но престолъ Бога и Агнца будетъ въ немъ, и рабы Его будутъ служить Ему, и узрять лице Его и имя Его будетъ на челахъ ихъ. И ночи не будетъ тамъ, и не будутъ имѣть нужды ни въ свѣтильникѣ ни въ свѣтѣ солнечномъ, ибо Господь Богъ освѣщаетъ ихъ; и будутъ царствовать во вѣки вѣковъ... Блаженны тѣ, кои соблюдаютъ заповѣди Его, чтобы имѣть имъ право на древо жизни и войти во градъ вратами». (Апок. 21-22 гл.)

Сравнивая блаженство первозданнаго рай съ этимъ, находимъ, что этотъ Рай, вѣчный, гораздо совершеннѣе перваго. Тотъ же Апостоль говоритъ: «Смотрите, какую любовь далъ намъ Отецъ чтобы намъ называться и быть чадами Божиими.. Возлюбленные, ищѣ мы чада Божіи, но еще не открылось, что будемъ: знаемъ только, что,

когда откроется, подобны Ему будемъ, ибо узримъ Его какъ Онъ есть». (1 Иоан. 3 гл.)

Да сподобить и васъ Господь милостію Своею такого неизреченнаго блаженства. Аминь.

Значеніе религіи въ дѣлѣ воспитанія.

Человѣчскій умъ, стараясь освѣтить земную дѣйствительность, всегда искалъ разгадки бытія: для чего является человѣкъ на землѣ, въ чемъ смыслъ его жизни и назначеніе—вотъ вопросы, предносившіеся всегда пытливому уму человѣческому. Рѣшенію ихъ много времени и силъ удѣляетъ человѣчскій умъ, но бурный океанъ тревожащей жизни скоро разбиваетъ эти попытки, а между тѣмъ, въ зависимости отъ такого или иного рѣшенія указанныхъ вопросовъ опредѣляются задачи воспитанія. Если мы предоставимъ въ рѣшенія этихъ вопросовъ рѣшающій голосъ каждому въ отдѣльности, то увидимъ, что и задачи воспитанія окажутся неодинаковы: у каждаго народа есть своя идея воспитанія, въ основѣ которой лежатъ его понятіе о человѣкѣ вообще и воспитаніе мѣняется вмѣстѣ съ развитіемъ народа.

Въ нашей земной дѣйствительности есть область, которая разнообразяясь въ своихъ проявленіяхъ, представляетъ, въ существѣ своемъ, зерно неизмѣнной, всегда вѣрной самой себѣ, истины. За шумомъ этой внѣшней дѣйствительности, за круговоротомъ мятежнаго моря житейскаго, скрывается кроткое, мирное, всегда неизмѣнное влеченіе человѣка за горизонты этой мятежной дѣйствительности. Въ нашей тѣлесной основѣ коренится,—то тихо теплится, то разгарается яркимъ пламенемъ, то снова замираетъ—жизнь духа человѣческаго. Какъ глаза ищутъ свѣта, и онъ естествененъ для нихъ, такъ мысль человѣческая всегда искала и ищетъ «солнце духа». Какъ природа въ своей жизни слѣдуетъ непосредственной связи явленій, такъ и духу человѣка присущъ законъ духовнаго, сердечнаго влеченія къ великому Солнцу вселенной. Какъ желѣзо стремится къ магниту, такъ и духъ, какъ жаждущій источника своего, притягивается къ своему первоисточнику и своему отечеству. Духу и его влеченію можно положить преграду, можно задержать его въ его стремленіи, но нельзя уничтожить въ немъ влеченія къ Безпредѣльному, Лучшему, остающемуся закономъ человѣческаго суще-

ства. Эта связь съ нами высшаго Идеала, это влеченіе духа нашего куда-то въ высь и есть основа всякой религіи. Назначеніе, цѣль религіи—быть душой этой земной жизни, основой всѣхъ лучшихъ человѣческихъ желаній и стремленій и черезъ это возводить взоръ человѣка туда, гдѣ царствуетъ Истина.

Остановивъ свое вниманіе на любой изъ извѣстныхъ намъ религій—Китайской, Египетской, Персидской, индійскомъ браманизмѣ или буддизмѣ, религіи древнихъ Грековъ и Римлянъ, мы можемъ прѣслѣдить вліяніе этой религіи на жизнь народа и уяснить тѣ требованія, которымъ должно было удовлетворять воспитаніе. Всякая религія предполагаетъ взаимодѣйствіе двухъ сторонъ: божественнаго воздѣйствія на человѣка, съ одной и слѣдованія этому откровенію со стороны самого человѣка, съ другой; разсматривая послѣднее отношеніе мы можемъ прѣслѣдить и различающіяся одно отъ другого народныя воззрѣнія на смыслъ жизни и задачи воспитанія,—какъ именемъ религіи обуздывались проявленія личности, несогласныя съ представлявшимся ихъ уму идеаломъ желаемаго общества. Для примѣра изъ всѣхъ указанныхъ религій укажемъ на религію Дальняго Востока, какъ наиболѣе интересующія насъ—обитателей Востока. Можно не останавливаться на педагогическихъ воззрѣніяхъ Даосизма—одной изъ религій Китая, такъ-какъ имѣютъ въ основѣ своей не собственно религіозныя воззрѣнія, но начала разума, оттого и нравственность здѣсь не была устойчивою, какъ не имѣвшая надлежащей основы и силы, характеризуясь неопредѣленностью и неясностью.

Другая господствующая религія Китая есть; нерешедшій изъ Индіи буддизмъ, видоизмѣненный далѣе въ Китаѣ, Корѣе и Японіи. Какъ извѣстно, буддизмъ презираетъ все видимое, считая его призракомъ, обманомъ и ничтожествомъ, считая все это зломъ, и проникнута созерцаніемъ общаго, мечтаніемъ соединиться съ нимъ. Буддизмъ предпочитаетъ смерть жизни, ничтожество—бытію и высшему блаженству и цѣлю человѣческаго существованія считаетъ достиженіе состоянія безразличія.

Въ зависимости отъ такого воззрѣнія этой религіи на смыслъ жизни и нравственное ученіе ея проникнута аскетизмомъ и воззрѣніемъ на все земное, какъ на зло. Соотвѣтственно такому воззрѣнію на жизнь создались здѣсь и правила воспитанія. Они заключались и заключаются въ томъ, чтобы научить дитя съ раннихъ лѣтъ подавлять въ себѣ не только страсти, но и естественныя потребности, подавлять въ себѣ всѣ живыя чувства. Съ раннихъ лѣтъ дитяти—индусу и китайцу вмѣняются въ долгъ миролю-

біе, терпѣніе, уступчивость, скромность и прочія добродѣтели, имѣющія цѣлью освобожденіе отъ мукъ бытія. Съ искорененіемъ въ нихъ всякаго проявленія самостоятельности, имъ внушалось, что человѣкъ въ жизни своей слѣдуетъ роковой необходимости. При такомъ возрѣніи на человѣка женщина, какъ дававшая жизнь дитяти, презиралась и трудно указать роль ея въ семейномъ воспитаніи. Въ виду возрѣніи этихъ религій на жизнь, какъ на освобожденіе отъ бытія и погруженіе въ нирвану, для насъ не представится удивительнымъ, какъ мало уважалась здѣсь человѣческая личность вообще. Родители имѣли полное право на жизнь и смерть своихъ дѣтей, бросая, напр. ихъ въ священные воды Инда или отдавая на съѣденіе птицамъ—въ Индіи или свободно продавая ихъ, какъ это практикуется въ Китаѣ.

Третья религія Китайцевъ, конфуціанство, характеризуется расудочнымъ направленіемъ съ матеріалистическою наклонностью. Соответственно такому содержанію конфуціанской религіи и въ жизни послѣдователи ея отрицаютъ общее и придаютъ значеніе личному и частному, т. е. какъ разъ придаютъ значеніе тому, что отрицаетъ буддизмъ. Вотъ какъ характеризуется китайскій идеаль воспитанія по сравненію его съ индусскимъ однимъ ученымъ изслѣдователемъ религій Востока (Вутке): «Индусъ воспитываетъ для идеальной жизни, Китаецъ—для практической, первый для неба, послѣдній для земли; первый ведетъ его изъ міра во внутрь самого себя, послѣдній воспитываетъ сына для преуспѣянія въ мірѣ, вводитъ сына въ міръ дѣйствительности; первый учитъ его нищенствовать и отрекаться, послѣдній—приобрѣтать и наслаждаться.» Уже изъ этой краткой характеристики китайскаго воспитанія можно видѣть, что человѣческая личность берется здѣсь, какъ единица семейнаго и государственнаго уплага, которыя въ совокупности составили столь обширное и мощное государство, каковымъ является Китай.

Уже изъ этого краткаго обзора двухъ религій представляется яснымъ существенное вліяніе религіи на дѣло воспитанія. Устойчивое рѣшеніе вопроса о цѣли земной жизни человѣка, о его земномъ назначеніи зиждется, прежде всего, на отвѣтѣ, который даетъ на него религія. Религія-же, какъ откровеніе вѣшняго, высшаго авторитета, всегда являлась и является первымъ и главнымъ устойчивымъ, на каторомъ зиждется нравственная жизнь человѣка. Чѣмъ выше религіозное представленіе о Божествѣ и его отношеніи къ міру, тѣмъ чище и нравственная жизнь человѣческая, жизнь человѣка въ отношеніи къ заповѣдямъ Откровенія. Конечная цѣль человѣче-

скою жизни опредѣляется религіей; чтобы знать эту цѣль человѣкъ долженъ быть знакомъ съ основами религіи; наученіе ближайшему и наилучшему достиженію этой цѣли и должно быть задачей воспитанія. Только одна религія сообщаетъ устойчивость дѣлу воспитанія. Она воспринимаетъ на себя руководство всею жизнью дитяти, съ раннихъ лѣтъ его дѣтства до могилы; соотвѣтственно возрасту воспитывающагося даются отъ имени религіи и соотвѣтствующія наставленія къ достиженію конечной цѣли. Устойчивость разнообразныхъ религій оказываетъ вліяніе и на пониманіе задачъ воспитанія. Воспитаніе всякаго народа носить свой особый характеръ и не сливается въ общее представленіе идеи воспитанія вообще.

Всякая религія, сообщая устойчивость воспитанію, удерживаетъ и высшій для него авторитетъ. Дитя, усваивая нравственныя предписанія, съ раннихъ лѣтъ проникается уваженіемъ къ заповѣдямъ, ведущимъ къ выполненію конечнаго своего назначенія здѣсь на землѣ по завѣтамъ религіи; въ исполненіи ихъ дитя видитъ исполненіе воли законодателя-божества, въ нарушеніи ихъ, неповиновеніи имъ—пренебреженіе къ его волѣ, вызывающее мщеніе со стороны грознаго законодателя за нарушеніе его воли. Даже на низшихъ степеняхъ языческихъ религій, религій идолопоклонства, религія вносила разумность въ дѣло воспитанія: здѣсь дитя ограждено было отъ разнообразныхъ, даже до противоположности противорѣчивыхъ, вліяній людей, причастныхъ дѣлу воспитанія, и всецѣло руководилось, хотя и не вполне истинными, но болѣе или менѣе устойчивыми и авторитетными предписаніями воли боговъ. Слѣдя за развитіемъ религіозныхъ воззрѣній, мы можемъ сдѣлать выводъ, что развитіе религіи вело за собой и совершенствованіе воспитанія; религія не только указывала конечную цѣль воспитанія, сообщая тотъ или иной взглядъ на самую личность воспитываемаго и воспитателей, но предъявляя къ нимъ тѣ или иныя требованія, опредѣляла и самый характеръ воспитанія.

Но Помимо естественныхъ, выстраданныхъ, съ великимъ трудомъ приобрѣтенныхъ рѣшеній вопросовъ о смыслѣ жизни и назначеніи человѣка и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, задачъ воспитанія, человѣчеству къ рѣшенію этихъ-же самыхъ вопросовъ данъ былъ другой путь, путь Божественнаго Откровенія; это то, что мы называемъ религіей ветхозавѣтной, іудейской или еврейской.

Вопреки всѣмъ естественнымъ религіямъ религія Откровенная имѣла въ основѣ своей Единаго Бога (Исх XX, 2—6; Втор. V, 6—10; VI, 4) и цѣлью земнаго совершенства поставляла высшее совершенство, граничащее съ святостью (Лев XIX, 2). Въ основу

древне-еврейскаго, библейскаго воспитанія и положены религіозно-нравственныя воззрѣнія этой Богооткровенной религіи. Въ зависимости отъ иного, чѣмъ въ язычествѣ, представленія о Богѣ, какъ личномъ, духовномъ Существовѣ, здѣсь и въ основу воспитанія было поставлено развитіе внутренняго, духовнаго существа ребенка. Дитя, считавшееся у Евреевъ святымъ даромъ Божиимъ, въ силу священнаго долга, заповѣдей Иеговы, должно было быть воспитано для Бога. Съ этой цѣлью съ раннихъ лѣтъ своего дѣтства дитя должно было изучать законъ Божій (Ис. СХVIII, 130; 1, 2), преимущественно законъ Моисеевъ, чтобы самому исполнять его и тѣмъ служить Богу своему. Мы видимъ, напр. отрока Іисуса во храмѣ Іерусалимскомъ, гдѣ, черезъ исполненіе религіозныхъ обрядовъ и благочестивыхъ обычаевъ, воспитывались въ Немъ боговѣйныя чувства и любовь. Спаситель ведетъ здѣсь бесѣды съ фарисеями и законниками, уже обнаруживая въ знаніи Закона глубокую опытность и вызывая искреннее изумленіе въ Еврейскихъ законникахъ.

Но какъ все ученіе подзаконнаго періода Откровенной религіи, весь смыслъ ветхозавѣтныхъ предписаній—ограничить проявленія грѣховной воли человѣка, такъ и въ основѣ подзаконнаго воспитанія лежалъ мотивъ—ограничить волю дитяти съ первыхъ лѣтъ его дѣтства. Какъ основнымъ мотивомъ, предупреждавшимъ нарушенія предписаній Закона Божія былъ страхъ, такъ этотъ страхъ именно, какъ мотивъ подзаконный, положенъ былъ и въ основу семейнаго воспитанія. «Начало премудрости—страхъ Господень» (Ис. СХ, 10; Притч. I, 7, 9, 10; Сир. I, 16). Этотъ страхъ предъ Иеговою у Евреевъ переносился и на родителей. Здѣсь, иредъ угрозой наказаній, преимущественно тѣлесныхъ, все дѣти должны были строго исполнять все предписанія родителей (Притч. XIII, 25; XIX, 18-19; Сир. XXX, 1-12), и какъ неповиновеніе заповѣдямъ Божиимъ наказывалось смертію (Втор. XIII 5-11), такъ ейже-подвергался и всякій членъ семейства, оказавшій неуваженіе и противленіе родителямъ, замѣнявшимъ въ этомъ случаѣ Самого Бога (Лев. XX, 9; Исх. XXI, 14).

Народъ Еврейскій, въ силу своей богооткровенной религіи, среди всѣхъ древнихъ народовъ былъ поставленъ въ исключительное положеніе. Откровенная религія Еврейскаго народа, исполнивъ свою миссію, уступила мѣсто религіи христіанской, поэтому въ Еврейской, вѣтхозавѣтной религіи, какъ закончившей уже свое существованіе, болѣе, чѣмъ во всякой другой, мы можемъ усматривать зависимость воспитанія отъ чистоты религіознаго воззрѣнія Евреевъ.

Библия сообщаетъ намъ о всеобщемъ забвеніи Бога предъ потопомъ, каково-же было воспитаніе у Евреевъ, если эпоха эта, по ея сказанію, была временемъ крайняго нечестія, когда каждый человѣкъ помышлялъ въ сердцѣ своемъ прилежно на злая во вся дни? (Быт. VI, 5); религиозное чувство, страхъ Господень, видимо, совершенно ослабѣли, люди не хотѣли вспомнить о небѣ и только волны потопа могли смыть съ лица земли нечестіе, а вмѣстѣ и развращенное человѣчество, забывшее своего Творца. Въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи богоизбраннаго народа, при всемъ высокому развитію ихъ религиознаго сознанія, нельзя не замѣтить колебаній его религиознаго чувства. Вся его жизнь представляетъ исторію отступленій отъ Іеговы и возвращеній къ Нему; эти-то отступленія и возвращенія характеризовались упадкомъ или подъемомъ еврейскаго воспитанія. Іегова забытъ, курится фиміамъ языческимъ богамъ—и отцы устремляются къ богинѣ астартъ финикійской, а матери, съ дѣтьми на рукахъ, отружаютъ идола Молоха. Священники приступаютъ къ алтарю—и снова Израиль съ жемами и дѣтьми стекается подъ сѣнь святилища, унося въ сердцѣ своемъ завѣты Бога Іеговы. На берегахъ далекаго Ефрата, вдали отъ родины, проснулася въ Евреѣ вся сила, отъ природы чуткаго, религиознаго чувства; имъ и жилъ, подъ вліяніемъ его и воспитывался народъ Еврейскій въ послѣдующіе времена братьевъ Маккавеевъ.

Такимъ образомъ, идеалъ еврейскаго воспитанія былъ высокъ, но горделивое, грѣховное представленіе Еврея о себѣ, какъ членѣ избраннаго и руководимаго Самимъ Богомъ и Его закономъ народа, унизило его на степень болѣе узкаго національнаго воспитанія и породило фанатическую вѣру въ свое исключительное право на будущее царство Мессіи, представляемое имъ въ духѣ земнаго политическаго устройства жизни. Но какъ самая религія Еврейская была только «воспитывающею для Христа», такъ и идеалы воспитанія ея были только подготовительными моментами къ истинно-общечеловѣческой религіи Христа и новымъ идеаломъ воспитанія.

Надъ міромъ возшло солнце христіанства и объяло свѣтомъ любви человѣчество; въ немъ нашло себѣ исходъ религиозное чувство человѣка. Для міра наступило царство вѣры. Утомленная предшествовавшими блужданіями и безплодными попытками человѣческая мысль должна была найти себѣ успокоеніе въ томъ, въ чемъ и доселѣ находятъ себѣ пристанище и успокоеніе всѣ труждающіеся и обремененные. Духовныя силы человѣка получили поприще для самаго широкаго развитія, и міръ какъ-бы праздновалъ свое торжество и свое спасеніе сильнымъ порывомъ религиознаго

одушевленія. Всюду, куда только проникалъ свѣтъ Евангелія и доносилось слово искупленія, ни пытки, ни мечъ, ни оковы темницы, ни всѣ муки, какія могла придумать злоба человѣческая, не могли поколебать силы вѣры. Такъ-же спокойно, какъ на пирѣ, люди шли на плаху, и зарево костровъ лишь освѣщало пламенемъ религіознаго чувства пылающія лица. Это пламя распространялось все дальше и дальше, обнимая одряхлѣвшій міръ и вливая новую жизнь въ жилы человѣчества.

Единственно только Евангельская нравственность чужда совершенно всякой односторонности; только въ ней мы находимъ примиреніе видимыхъ несообразностей, которыя замѣчаются въ мірѣ, разрѣшенія которыхъ тщетно искали религіи міра языческаго и доселѣ, въ продолженіе тысячелѣтій, ищетъ философская мысль. Только христіанская нравственность удовлетворяетъ «цѣлому» духу во всѣхъ его высшихъ стремленіяхъ и потребностяхъ, только одна она—нравственность всемірная и вѣчная, для всѣхъ градусовъ земной широты и долготы, для всѣхъ временъ и народовъ. Нравственный идеаль христіанскаго совершенства, по подобію совершенства Отца Небеснаго (Мѣ. VI, 48), теперь уже не требуетъ самоубійственнаго подавленія нашего духа, имъ требуется постоянное и непрерывное его возбужденіе и возвышеніе; онъ требуетъ жизнеразвитія духа, а не жизнеумерщвленія. Цѣль нравственности—жизнь духа, а не смерть, *высшая дѣятельность*, а не состояніе безразличія, какъ въ буддизмѣ. Человѣческая личность; получаетъ въ Христіанствѣ высшее утвержденіе своей самостоятельности. Христіанство беретъ человѣка, какъ СЫНА ЛЮБВИ БОЖІЕЙ, предназначеннаго участвовать въ блаженствѣ небеснаго Отца. Христіанство все преисполнено свѣтомъ и радостью, счастьемъ и торжествомъ; имя его—Евангеліе, т. е. благая, радостная вѣсть. Оно—вѣсть возлюбившаго насъ благого Отца небеснаго, вѣсть о нашемъ спасеніи и блаженствѣ. Онъ преслѣдуетъ не одну частную, одностороннюю цѣль, а имѣетъ въ виду всего человѣка, въ цѣломъ составѣ его существа, духовныхъ, душевныхъ и тѣлесныхъ потребностей. Христіанство, будучи проникнуто высшею свободою духа, не только не внушаетъ презрѣнія и отвращенія къ тѣлу и тѣлесному міру вообще, не даже узаконяетъ стремленіе къ нему, какъ прекрасному творенію Божію (Мѣ. VI, 26, 28), дѣлу Его любви, преисполненному Его премудрости, черезъ что и заповѣдуетъ намъ попеченіе о нашемъ собственномъ тѣлѣ. Оно не отвергаетъ даже и чувственныхъ удовольствій, напротивъ, разрѣшаетъ и освящаетъ ихъ въ той мѣрѣ, въ какой, не стѣсняя свободы духа и не препят-

ствуя его чистотѣ,—они поддерживаютъ въ насъ бодрость и крѣпость духовныхъ силъ, возбуждая и укрѣпляя ихъ энерію. Поэтому-то, колыбель дитяти-христіанина и окружается такими ласками и заботою родителей; тѣло, какъ орудіе духа, нуждается въ уходѣ, дабы, дитя, принявъ теперь, съ нѣжными родительскими ласками и попеченіемъ о внѣшней сторонѣ организма, уходъ за своимъ тѣломъ, могло воздать въ послѣдствіи возросшею въ тѣлѣ силою духовною. Основною дѣтскаго христіанскаго воспитанія для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ должна служить Евангельская картина благословенія дѣтей. Мы можемъ представить себѣ, какъ кроткій взоръ Спасителя любовно и ласково смотрѣлъ на стоящихъ вокругъ дѣтей, какъ смотреть только нѣжная мать на свое любимое дитя. Лица дѣтей такъ довѣрчиво смотрѣли на Спасителя, и они толпою окружали своего добраго Учителя. Преданіе добавляетъ намъ, что одно изъ окружавшихъ Спасителя дѣтей, получило названіе «Богоносца». Быть-можетъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ, кто на головѣ или челѣ носилъ знаменіе благословенія Господня, быть-можетъ, рука Учителя нѣжно обнимала шею этого, стоявшаго рядомъ съ Нимъ, ребенка. Уже одна эта картина христіанства въ состояніи свидѣтельствовать, что именно въ общеніи этихъ чистыхъ душъ, чистыхъ сердець, еще не тронутыхъ жизненнымъ зломъ, со Спасителемъ и образуется то новое царство, духовное и Божіе, которое основать пришелъ Христосъ.

При такомъ возрѣннн христіанства на цѣль нашего земного назначенія и на дѣтей, какъ личностей съ ихъ тѣлеснодуховной организаціей, указываются въ христіанствѣ и новыя задачи воспитанія. Если гдѣ, то именно въ христіанствѣ, религія всецѣло включаетъ въ себя идеалы воспитанія. Христіанская религія имѣетъ въ виду всего человѣка, во всѣхъ его состояніяхъ и возрастахъ. Вотъ что говоритъ о воспитаніи въ своей «*Didactica Magna*» христіанинъ-педагогъ Іоаннъ Амосъ Коменскій: «Человѣкъ живетъ тройственной жизнью: растительной, животною и разумною или духовною. У него три отечеста: мать, земля и небо. Рожденіемъ вступаетъ онъ во второе отечество, смертію и воскресеніемъ въ третье, вѣчное. Какъ дитя до своего рожденія готовится къ земной жизни, такъ душа, съ помощью тѣла, образуется во время земной жизни для вѣчности. Счастливъ тотъ, кто приноситъ въ свѣтъ хорошо образованные члены, въ тысячу разъ счастливѣе тотъ, кто при смерти уноситъ хорошо образованную душу.» Такимъ образомъ, христіанство, захватывая еще первые моменты жизни дитяти, указываетъ ему конечную цѣль его земной жизни, которая,

какъ путеводная звѣзда, горитъ прелъ умственнымъ кругозоромъ христіанина. Совершенство предполагаетъ конечное гармоническое сочетаніе всѣхъ способностей духа человѣка въ уподобленіи его высшему конечному Идеалу. Говоря о значеніи религіи въ дѣлѣ воспитанія, мы имѣемъ въ виду всеобщее значеніе всей религіозной жизни и всѣхъ факторовъ воспитанія, освѣщенныхъ религіей. Первой задачей семейнаго воспитанія, помимо попеченія о тѣлесной природѣ младенца, является его духовное развитіе, раздѣльнѣе, развитіе его душевныхъ способностей. Въ этомъ случаѣ христіанство, въ противовѣсъ всѣмъ дохристіанскимъ религіямъ, которыя вліяніемъ своимъ сдерживали порывы природы человѣка, несомѣстимые съ предписывавшимся религіею конечнымъ идеаломъ, — напротивъ предоставляетъ свободу всей личности человѣка, не стѣсня ея проявленій, опредѣляя лишь ее своимъ земнымъ конечнымъ назначеніемъ. Въ христіанствѣ, такъ сказать, сущность не столько въ томъ, что дѣлать, но въ томъ, чѣмъ стать въ концѣ концовъ.

Богъ, посылая женщину въ міръ, сказалъ ей: «Имя твое будетъ Ева,» а Ева значитъ «жизнь»; женщиной вручено творчество не только фізіологическое, но и духовное. И вотъ мать-христіанка, лишь засвѣтятся въ очахъ малютки первые проблески мысли, питаетъ его умъ и сердце своими начальными бесѣдами о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, виѣшней красотѣ природы, цѣли и смыслѣ жизни. И много приходится выслушать дитяти нѣжныхъ материнскихъ наставленій христіанскихъ еще до его сознательной жизни. Лишь только дитя начинаетъ обнаруживать проблески сознанія и лепетать нѣкоторыя слова, мать заботливо обращаетъ взоръ своего дитяти къ молитвѣ, гдѣ онъ въ высоко-идеальныхъ образахъ усваиваетъ нишу для своего, жаждущаго знаній, ума и здѣсь-же воспитываетъ свое сердце въ благоговѣйныхъ чувствованіяхъ по отношенію къ Богу.

Началъ ребенокъ ходить, и христіанская мать за руку ведетъ его въ храмъ. Лишне и говорить о благотворномъ, воспитывающемъ сердце дитяти, значеніи православнаго богослуженія, когда (приходится слышать) люди, обремененные житейскими тревоженіями, люди, въ погонѣ за кускомъ хлѣба, заглушившіе въ себѣ жажду духа своего, — находятъ здѣсь отраду и встающіе предъ ихъ взорами дни далекаго золотого дѣтства, счастливые моменты, свѣтлые, высоко-идеальные порывы и впечатлѣнія, часто, заставляють обратить ихъ взоры на себя и свое состояніе и измѣниться. Сочетаніе всевозможныхъ видовъ искусства: живописи, пѣнія, зодчества, символическихъ обрядовъ, — призваны для того, чтобы, создавая чисто-небесную атмосферу, сообщать въ сердце христіанина съ дѣтскаго

его возраста навсегда благоговѣйныя-то величаво-торжественныя, радостныя, то сосредоточенно-спокойныя, то грустныя, скорбно-благоговѣйныя чувства... кажется, изъ сердца христіанина никогда не изгладятся моменты дѣтской жизни, связанные съ пасхальнымъ богослуженіемъ, или пѣніемъ радостнаго «христосъ рождается.» Глубоко западаютъ въ душу дитяти первыя сѣмена религіи и этимъ проявленіемъ религіознаго чувства характеризуются всея наиболѣе выдающіеся моменты послѣдующей жизни христіанина. Высоко-поэтическую картину представляетъ намъ Майковъ въ стихотвореніи на 17-ое Октября, гдѣ мать, чтя промыслительную Десницу Божию, охраняющую русскій народъ, зажигаетъ лампаду, дитя-же, видя въ этомъ церковно-религіозномъ обрядѣ выраженіе необычной высоко-идеальной настроенности спрашиваетъ:

«Отчего сегодня, мама,
Все звонять въ колокола,
И лампадку словно въ праздникъ
Предъ иконой ты зажгла?
Развѣ праздникъ?»... и т. д.

Чтобы надлежащимъ образомъ представить значеніе религіи въ дѣлѣ воспитанія, въ дѣлѣ его нравственнаго совершенствованія, слѣдуетъ указать, что религія христіанская не только сообщаетъ намъ знаніе добра и любовь къ нему, но и воспитывающе воздѣйствуетъ и на его волю. Каждая, сколько-нибудь свѣдущая, мать-христіанка раскрываетъ предъ умственнымъ взоромъ дитяти горизонты истинно-христіанской жизни. Она бесѣдуетъ о томъ, какъ много дѣтъ тому назадъ въ глухомъ вертепѣ Іудейской земли родился Младенецъ, Спаситель рода человѣческаго, какъ потомъ Онъ явилъ Себя міру Учителемъ еденственнымъ и несравненнымъ, какъ поучалъ людей любить Бога и ближнихъ, даже враговъ, любить до самопожертвованія; какъ людскою злобою осужденъ былъ на позорную и страшную смерть. Если часто рассказы о приключеніяхъ въ странахъ африканскихъ негровъ или американскихъ индѣйцевъ возбуждаютъ волю дѣтей къ геройскимъ походамъ среди краснокожихъ, то рассказы о высокой и совершенной жизни христіанъ—героихъ духа,—развитіе котораго представляетъ, по христіанству, высшее назначеніе человѣка, не тѣмъ-ли болѣе должны возбуждать и укрѣплять волю дѣтей въ слѣдованіи добру. Счастливы были дѣти древнихъ грековъ, слушая высоко-поэтическія сказанія о древней Элладѣ и въ нихъ почерпавшіе первыя уроки знанія и морали, но не счастливѣе-ли ихъ дѣти христіанъ, гдѣ библейская исторія, Евангеліе и высоко-геройская жизнь совершеннѣйшихъ христіанъ

служать для дѣтей первыми источниками, утоляющими живою водою жажду сердца и ума и воли?...

Только имѣя въ виду воспитаніе именно воли человѣка, въ связи съ *грѣхомъ* *человѣка* и связаннымъ съ нимъ *нашимъ* постояннымъ *страданіемъ*, для христіанина становится понятнымъ и все нравоученіе христіанской религіи, въ общемъ своемъ цѣломъ проникнутое скорбнымъ взглядомъ на земную жизнь. Она представляется *чуждою странною*; гдѣ мы лишь странники и пришельцы, юдолюю скорби, міромъ суеты и самое средство, какимъ освобождается христіанинъ отъ этого міра зла есть *узкій тернистый путь крестоношенія*, признанный христіанствомъ единственной стезей ведущею, по стопамъ Христовымъ въ радость конечнаго общенія съ Богомъ. Отсюда конечная цѣль разумнаго воспитанія дитяти должна заключаться въ постепенномъ образованіи въ дитяти пониманія окружающаго его міра и преимущественно общественнаго, т. е. того, въ которомъ ему современемъ придется дѣйствовать. Результатомъ такого пониманія должно быть возведеніе добрыхъ истинковъ дѣтской природы въ сознательное стремленіе къ идеаламъ правды и добра и, наконецъ, въ задачу воспитанія, какъ результатъ того и другого, должно входить постепенное образованіе нравственныхъ убѣжденій, образованіе *свободной и твердой воли* къ осуществленію намѣченной цѣли.

Вступая въ сознательную жизнь дитя изъ отношенія къ себѣ всего окружающаго составляетъ понятіе объ основныхъ началахъ своей будущей дѣятельности. Изъ дня—въ—день дитя видитъ и замѣчаетъ, какъ трудятся его отецъ и мать, его сестры и братья; велушиваясь въ ихъ думы, вникая въ ихъ заботы и хлопоты, малютка, мало-по-малу, проникается сознаниемъ, что работа есть удѣлъ каждаго человѣка, и при религіозномъ освѣщеніи этого его сознанія, онъ начинаетъ понимать, что и его ожидаетъ такая-же трудовая жизнь, что жить иначе нельзя. Незамѣтно пробѣгаютъ веселые дни золотого дѣтства, невидимкою подходитъ болѣе зрѣлая пора отрочества, когда малютка пріобрѣтаетъ тѣлесную крѣпость. Вотъ какъ, по изображенію поэта, проходитъ, напр. крестьянскій мальчикъ эту подготовительную науку труда:

«Довольно Ванюша! Гулялъ ты не мало—,

Пора за работу, родной!

И трудъ обернется сначала къ Ванюшѣ

Нарядной своей стороной:

Онъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ,

Какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно;

Какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ,

Какъ колось растеть, наливаетъ зерно;
 Готовую жатву подрѣжутъ серпами,
 Въ снопы перевяжутъ, на ригу свезутъ;
 Просушатъ, колотятъ,—колотятъ цѣпами.
 На мельницѣ смелютъ и хлѣбъ испекутъ.
 Отвѣдаетъ свѣжаго хлѣбца ребенокъ
 И въ поле охотнѣй бѣжить за отцомъ.
 Навьютъ-ли сѣнца: «Полѣзай, пострѣленокъ!»
 Ванюша съ деревню вѣзжаетъ царемъ
 (*Крестьянскіе дѣти* Н. А. Некрасова)

Такъ религія косвеннымъ образомъ вліяетъ на воспитаніе не только именно своимъ содержаніемъ, но и общимъ вліяніемъ на воспитателей и черезъ общее освѣщеніе всѣхъ сторонъ земной дѣйствительности.

Извѣстно, какую роль играютъ въ жизни человѣка привычки, какъ *приобрѣтеніе добрыхъ навыковъ* облегчаетъ его послѣдующее развитіе и *какой тормозъ* развитія представляетъ состоявшееся усвоеніе навыковъ *злыхъ*, несоотвѣтствующихъ цѣлямъ воспитанія и жизни. Только одна *религія* вѣдаетъ дѣло совѣсти и духа человѣка и еще съ колыбели внѣдряетъ въ душу дитяти добрыя качества, соотвѣтствующія его природѣ, укрѣпляетъ ихъ чрезъ подражаніе примѣрамъ совершенства и цвѣтами добродѣтелей заглушаетъ тернія порока. Во всѣхъ религіяхъ древности нравственный идеаль представлялъ изъ себя нѣчто отвлеченное, которымъ и должно было руководиться практическое воспитаніе, тогда какъ въ христіанствѣ образецъ нравственности явленъ въ лицѣ Спасителя. Общая противоположность естественныхъ религій—между идеальнымъ и реальнымъ, всеобщимъ и частнымъ, духовнымъ и чувственнымъ—примирена здѣсь поразительнымъ, дивнымъ образомъ въ Личности, соединяющей—божественное съ человѣческимъ, небесное съ земнымъ, духовное съ плотскимъ. Въ христіанствѣ нѣтъ опасенія, какъ-бы чрезъ достиженія богообщенія не уничтожилась человѣческая личность, какъ въ буддизмѣ или браманизмѣ, *съ другой стороны, человекъ самъ—цѣль* своего развитія и общее благо развивается только чрезъ нравственное развитіе личности, а не чрезъ превращеніе послѣдней въ орудіе общественно—государственной жизни, какъ въ религіяхъ китайской, персидской и древней *Греко-Римской*. Общее благо, достигается по христіанству чрезъ идейно-свободное развитіе каждой отдѣльной личности для одной нравственной цѣли, въ достиженіи которой каждый человекъ и *общество, какъ цѣлое*, свободно соединяется, не нарушая въ то-же вре-

мя общей гармоніи и не подавляя другъ друга.

Итакъ, нравственное воспитаніе воли совершается подъ вліяніемъ религіи; нравственно-воспитывать значитъ не только еще подавлять въ себѣ начало эгоистическое, но и *воспитывать въ себѣ положительную идею Бога*, идею ясную и правдивую, которая, съ одной стороны, какъ естественная потребность духа человѣческаго *влечетъ* насъ къ благоговѣйному *поклоненію Ему*, а съ другой—къ *исполненію всего*, что внушаетъ намъ безкорыстное чувство долга, совпадающее съ волею Божіей. Религіозное воспитаніе есть *дополненіе* и *завершеніе* нравственнаго, его *сила* и *опора*. Истинно—нравственное воспитаніе даже и невозможно внѣ христіанской религіи,—за это говоритъ исторія всѣхъ временъ и народовъ.

С. Успенскій.

Престольный праздникъ.

День Преображенія Господня-престольный праздникъ въ Цзинь-иань-цзуѣ. Въ этомъ году праздникъ пришелся въ субботу. Въ четвергъ вечеромъ прибылъ изъ Юнпинфу катехизаторъ Афанасій Чжанъ для провѣрки готовящихся ко крещенію. Ихъ оказалось только двое, такъ какъ въ началѣ Іюля было окрещено шесть человѣкъ. Къ вечеру въ пятницу стали стекаться христіане изъ ближайшихъ деревень. Всего пришло человѣкъ пятнадцать. За всенощной отслуженной архимандритомъ о. А. христіане принимали участіе и въ пѣніи. Служба продолжалась около двухъ часовъ. Радостно было слышать стихиры и пареміи торжественной службы праздника. Пѣніе не такъ привлекало стройностью, какъ усердіемъ и стараніемъ пропѣть получше. Глухой шумъ моря стусшеывалъ всѣ недочеты пѣвцовъ-любителей.

Утромъ на праздникъ всѣ встали очень рано, хотя литургія была назначена въ восемь часовъ, но таково уже возбужденіе праздничное, что всѣ были уже на ногахъ въ шесть часовъ утра, когда началось крещеніе. При совершенно тихой погодѣ во время отлива крещеніе совершалось на берегу моря. Песчаный отлогій берегъ представлялъ всѣ удобства къ правильному хожденію во время пѣнія Елицы, это особенно торжественная минута, въ которой принимали участіе всѣ собравшіеся. По крещеніи всѣ отпра-

вились въ храмъ, который здѣсь же на возвышенномъ берегу моря. Совершенъ водосвятный молебенъ, къ концу котораго пріѣхали русскіе изъ Пэй-тай-хэ. Литургія вся совершалась на китайскомъ языкѣ. Кромѣ новокрещенныхъ причастія святыхъ Таинъ сподобились еще двое младцевъ. На запричастномъ стихѣ катехизаторомъ сказано поученіе на евангельскую тему о преображеніи «На буди имя Господне» освящены фрукты, яблоки и виноградъ, снятые тутъ же въ саду и розданы присутствующимъ. Въ двѣнадцатомъ часу состоялась общая трапеза христіанъ. Какъ передъ трапезой такъ и послѣ въ теченіи всего дня происходили бесѣды съ христіанами на разныя темы а главнымъ образомъ о необходимости говѣнья, какъ главнѣйшаго средства приближенія къ Богу и преискренняго общенія съ Нимъ.

Къ пяти часамъ все собрались въ церковь къ исповѣди и чинно въ порядкѣ и сознаніи исповѣдались, слушали правило и молились за всеобщей, которая скончилась въ девятомъ часу.

На утро въ воскресенье чтеніе правила началось въ шесть часовъ и продолжалось болѣе получаса. А литургія послѣдовала за симъ и продолжалась не снѣша около двухъ часовъ, пока христіане приложились къ Иконамъ, пока выслушали поученіе на евангельскую тему о постѣ и молитвѣ, пока причастились и выслушали благодарственныя молитвы. Погода была удивительно тихая, море стояло какъ зеркало. Прохлада утра не нарушалась августовскимъ солнцемъ, которое свѣтило чрезъ тонкіе слоистые облака.

Порадовавшись еще общеніемъ за трапезой, христіане одинъ по одному прощались и возвращались по домамъ, неся съ собою миръ и утѣшеніе.

У яслей.

Предъ отъѣздомъ нашимъ изъ Юнпинфу пришелъ къ намъ Пантелеимонъ, старшина христіанъ въ деревнѣ Ванъ-цзѣ-чжуанъ. Онъ еще молодой сравнительно человекъ, ему всего тридцать лѣтъ. Семья ег-онъ да жена. Довольно грамотный, а главное память у него здоровая и соображеніе быстрое. Способный человекъ. Онъ пріѣхалъ съ 23—го на 24—ое число Іюля и переночевавъ, утромъ вернулся обратно. Вечеромъ я спрашивалъ его и нашель, что онъ можетъ быстро и вѣрно развиваться. Молитвословъ онъ бойко говорилъ наизусть, объясненія давалъ удачно, держась толковаго молитвослова, Рассказывалъ изъ книжки: Христіанскіе обычаи, а

начало (нѣсколько параграфовъ) зналъ и наизусть. По священной исторіи краткой тоже зналъ содержаніе первыхъ главъ. Собранія христіанъ изъ окрестныхъ деревень по воскреснымъ днямъ бывають у него въ домѣ. Онъ пользуется авторитетомъ судьи среди поселянъ и помощникомъ сельскаго старосты, т. е. замѣняетъ его въ случаяхъ отсутствія. Занимается хлѣбопашествомъ. Побольше бы намъ такихъ людей. Дѣльный человекъ и воспріимчивъ къ идеямъ.

Изъ Юнпинфу мы выѣхали 25-го Іюля въ четыре часа утра, верхами, я на лошади, которую намъ одолжилъ бесплатно одинъ христіанинъ, а о. Михаилъ на своемъ осликѣ. Съ нами былъ еще проводникъ, служащій въ миссіи дворникомъ Николай Янъ. По просьбѣ полиціи, мы предупредили ее съ вечера о нашемъ выѣздѣ, поэтому утромъ намъ не пришлось ожидать. Выйдя за ворота я уже увидѣлъ двухъ солдатъ при одномъ старшемъ, которые, отдавъ честь, пошли садиться на своихъ лошадей, привязанныхъ тутъ же на улицѣ. Моя лошадь была монгольская, хорошо обѣзжанная, но застоявшаяся долго, потому она не сразу пошла, а попрыгала немного, намѣреваясь сбить сѣдока, что ей не удалось. Китайское сѣдло мало отличается отъ казачьяго, оно довольно покойно, но это, какъ старое, взятое напрокатъ у сосѣда, имѣло нѣкоторые недостатки, именно, подпруги были старыя всѣ въ узлахъ и одно стремя было почему-то короче другаго. Къ выѣзду изъ города мы проѣхали мимо полицейскаго участка, гдѣ старшій остался, пожелавъ намъ счастливаго пути. По выѣздѣ изъ города мы вскорѣ подѣхали къ рѣкѣ Цинъ-хэ, чрезъ которую переѣхали на паромѣ, а затѣмъ вскорѣ и черезъ рѣку Ланъ-хэ, такимъ же образомъ. Оба парома на этихъ рѣкахъ содержались стариками, совершенно похожими другъ на друга, до смѣшнаго. Такъ что получалось впечатлѣніе будто мы вторично переѣзжаемъ ту же рѣку и ворочаемся назадъ. Внизъ по теченію первой рѣки въ полуверстѣ отъ переправы мы замѣтили еще одинъ паромъ, который пассажировъ доставлялъ отъ города къ циновочнымъ большимъ шалашамъ, выстроеннымъ на самомъ берегу рѣки, такъ что ихъ хорошо было видно пожалуй и со стѣны города. О. Михаилъ пояснилъ мнѣ, что это театръ, что теперь полиція запрещаетъ театры смотрѣть жителямъ, такъ, какъ съ этимъ неразрывна ворожба, игра въ карты и другія пакости. Но при всемъ томъ, почему же та же полиція не приняла мѣръ къ тому, чтобы театръ не построился на такомъ бойкомъ мѣстѣ. Мы утѣшились мыслию, что его должны будутъ скоро сломать по приказанію той же полиціи.

Когда мы поднялись на правый возвышенный берегъ рѣки и

дорога пошла въ цвѣтущей равнинѣ среди пышной растительности хлѣбовъ, солнце уже взошло и листва высокихъ серебристыхъ тополей отливала оранжевымъ блескомъ. Чувство легкости отъ вдыханія свѣжаго воздуха послѣ долгаго зимняго сидѣнья въ четырехъ стѣнахъ, охватываетъ все существо, а природа будто вторить этому чувству, и глазъ быстро схватываетъ красивый поворотъ дороги или озерцо, обрамленное камышемъ, или хижины поселянъ осѣненные кучами деревь, протянувшихъ свои вѣтви черезъ всю ширину улицы. А слухъ жадно ловить всякій звукъ птички, щебечущей въ густой зелени, омытой утренней росой.

Двадцати двухверстное разстояніе до Цянь-ань-сяна мы проѣхали въ пять часовъ. Неможно покружили дорогой, сбившись съ пути, а спросить было не у кого, такъ какъ въ поляхъ не видно было людей, хлѣба второго посева еще не успѣли и работъ не производилось. Подѣхавъ въ девять часовъ къ городу, мы увидѣли довольно хорошо сохранившуюся его стѣну и на углу ея красивую башенку позднѣйшей постройки. Въѣхавъ въ ворота, мы вскорѣ же нашли гостинницу, въ которую и заѣхали отдохнуть. Гостинница съ тѣсными комнатками не могла вмѣстить всѣхъ насъ, потому полицейскіе остались на дворѣ. Съ ними мы послали карточки къ уѣздному начальнику, а Николай пошелъ искать христіанъ. Здѣсь всего числится пятеро христіанъ, но удалось найти только одного, Мелетія. Это молодой человѣкъ занимается въ кузнѣ. Да еще самъ пришелъ къ намъ нѣкто Арсеній изъ ближней деревни, остальные разбрелись кто куда, потому все приторговываютъ немного. Позавтракавъ немного китайскими шоу-бинами (лепешками), мы предложили бесѣду къ собравшимся поглазѣть на насъ. Изъ нихъ оказался одинъ поселянинъ, внимательно слушавшій ученіе о Единомъ Богѣ и пожелавшій записаться въ слушатели ученія, что называется на ихъ языкѣ: «цзи-минъ». Мелетій слушалъ внимательно, но конечно многое изъ прежде извѣстнаго ему позабылъ, пришлось ему напоминать старое. Арсеній чувствовалъ себя неловко: онъ когда-то задолжалъ о. Михаилу пятнадцать долларовъ и думалъ, что мы будемъ требовать эти деньги, а ему нечѣмъ заплатить. Отзывы о немъ со стороны христіанъ неблагопріятны. Мы воспользовались имъ для оповѣщенія о нашемъ пріѣздѣ христіанамъ въ деревню Гао-гэ-чжуанъ. Въ ожиданіи прихода христіанъ, мы три раза посылали за ними, искать ихъ, о Михаилъ проповѣдывалъ и раздавалъ листки проповѣди, отпечатанные на тектографѣ. Отпустивъ ихъ мы немного легли отдохнуть чтобы переждать жаркое время дня. Потомъ осмотрѣли дворикъ католической миссіи, расположенный

по сосѣдству съ нашей гостинницей. Одинъ изъ гостинниковъ былъ католикомъ. Онъ сообщилъ, что ихъ миссія здѣсь недавно всего лѣтъ пять, что не смотря на большое населеніе уѣзднаго города, христіанъ у нихъ немного десятки, а не сотни. Во всю почти длину двора, къ которому прилегаль и садикъ, тянулась новая фанца, въ которой, какъ говорятъ есть отдѣленія для молитвы школы же нѣтъ. Здѣсь живетъ китаецъ катехизаторъ, а священникъ китайскій пріѣзжаетъ рѣдко, всего можетъ быть одинъ разъ въ года. Европейецъ и того рѣже.

Выѣхали мы въ часъ по полудни. Насъ сопровождалъ одинъ только полицейскій, да и тотъ безъ лошади, пѣшкомъ. Дорогой, разговорившись, онъ сообщилъ, что здѣшній уѣздный начальникъ не особенно заваленъ спѣшными дѣлами и коннаго наряда въ своемъ распоряженіи не имѣетъ, хотя и обязанъ имѣть. Въ послѣднее время у него было четыре конныхъ солдата при одной лошади, но теперь и ту продали, вслѣдствіе дороговизны корма. Опять продолжали путь по счастливой зеленѣющей долинь. Опять никого на поляхъ не было видно, только мѣстами шла уборка конопли, собственно коноплянныхъ былинковъ, такъ какъ сѣмена были собраны уже раньше.

Тринадцати верстное разстояніе мы проѣхали въ три часа и къ четыремъ часамъ были уже въ Гао-гэ-чжуанъ. При въѣздѣ въ деревню насъ встрѣтили христіане—Діомидъ съ племянникомъ Миною, бывшимъ ученикомъ Юппинфусской школы и тотъ же Арсеній. Они ожидали насъ въ гостинницѣ, въ которой мы не остались по тѣнотѣ, а проѣхали немного дальше въ болѣе обширную гостинницу, гдѣ дворъ въ видѣ широкаго проѣзда тянулся на большое разстояніе, въ одни ворота въѣзжаютъ, въ другія выѣзжаютъ. По одну сторону дворъ ограниченъ заборомъ, у котораго сложены длинныя бревна, по другую фанцою въ семь дяней и продолженіемъ ея, навѣсомъ, гдѣ помѣщается свинюшникъ, необходимая принадлежность каждаго двора въ этой мѣстности, а затѣмъ рядъ стоилъ для осликовъ со множествомъ яслей, вырубленныхъ изъ цѣльнаго камня. Если эти тянулись въ рядъ до самыхъ въѣздныхъ воротъ, гдѣ пріютилась небольшая кумирня подъ вѣтвистою сторой ивой. Дверями кумирня выходила на улицу и была посвящена какому-то герою древности, конная статуя котораго вмѣстѣ съ другими идолами помѣщалась здѣсь. О. Михаилъ зналъ біографію этого героя и въ бесѣдѣ съ поселянами объяснялъ имъ нелѣпность поклоненія идолу этого человѣка.

Какъ мы только помѣстились на лежанкѣ и достали свои книги,

о. Михаилъ тотчасъ же началъ проповѣдь къ собравшимся сосѣдямъ, Нѣкоторые изъ нихъ были грамотные и умѣли слушать, таковымъ розданы были первоначальныя огласительныя поученія, составленныя о. Михаиламъ и отпечатанныя гетогографомъ. Такъ какъ публика постоянно мѣнялась, то приходилось нѣсколько разъ повѣствовать объ одномъ и томъ же т. е. о Богѣ, какъ Творцѣ міра и человѣка. Постепенно одинъ за другимъ приходили христіане. Всѣхъ ихъ тутъ шесть человѣкъ. Оказались сѣрыми земледѣльцами, неумѣющими сосредоточить вниманія для слушанія проповѣди. Крестное знаменіе полагали нетвердо, молитвы знали слабо, не молитвы собственно, но символъ вѣры. Молитвы же Господней никто кромѣ Мины не зналъ, да Діомидъ былъ еще развитѣе другихъ, а съ остальными пришлось долго поупражняться, подучить ихъ всему. Одичали и чувствовали неловкость учиться на глазахъ у язычниковъ. Здѣсь же были четырнадцать учениковъ китайской частной школы. Многіе изъ нихъ были хорошо грамотны, со вниманіемъ слушали и судя по замѣчаніямъ и вопросамъ, понимали предлагаемое имъ ученіе. Рѣчь шла оживленно, въ окна отовсюду торчали головы и уши. Что было особенно пріятно и увлекало насъ самихъ, это, что удавалось вызвать самихъ язычниковъ къ разговору и замѣчаніямъ. Такъ, когда мы доказывали, что Богъ одинъ есть истинный духъ а всѣ другіе шень ложны, вымышлены и не существуютъ, то старикъ гостинникъ выразилъ сомнѣніе въ этомъ, увѣряя, что ему самому пришлось наблюдать сверхъестественныя явленія, приписываемыя духамъ. Онъ представилъ собственно два основанія: самовозгараніе и шорохъ въ пустыхъ помѣщеніяхъ, кумирнѣ или домѣ. Нашелся тутъ же одинъ старичекъ, который собственными глазами видѣлъ какъ однажды самъ загорѣлся гаоляновый плетень, другіе утверждали что слышали не разъ шорохъ «хурул-хуруль» въ кумирнѣ, и что это по ихъ мнѣнію непремѣнно дѣло духовъ, злыхъ или добрыхъ. Опровергать эти данныя было трудно въ виду того, что каждый, изъ свидѣтелей не могъ точно объяснить всѣ обстоятельства наблюдаемаго явленія и оставалось много мѣста для произвольнаго толкованія: хочешь вѣрь, хочешь нѣтъ. Но о. Михаилъ не растерялся, отвѣтивъ краткимъ замѣчаніемъ, что діаволь конечно старается о томъ, чтобы утратить человѣка, и заставить его поклоняться себѣ. Гостинникъ повидимому не остался доволенъ отвѣтомъ. Незамѣтно прошло уже нѣсколько часовъ, солнце зашло и сумерки напомнили намъ о забытомъ ужинѣ, который давно былъ готовъ. Чтобы сохранить нѣсколько голосъ, надо было прекратить бесѣду и распустить со-

браніе, пригласивъ всѣхъ пожаловать черезъ полчаса для продолженія бесѣды. За ужиномъ я рассказалъ о Михаилу по его желанію, что мнѣ извѣстно по затронутымъ вопросамъ объ огнѣ и шорохѣ.

Что же касается шороха, то зачѣмъ непременно относить его къ дѣйствию злой силы, когда такъ много естественныхъ причинъ, могущихъ произвести это явленіе. Кошка, хорекъ, ежъ въ ночное время гдѣ только не побываютъ за мышами. Затѣмъ сова, летучая мышь и крысы могутъ проникать въ запертое помѣщеніе извѣстными только имъ путями и произвести этотъ «хурулхуруль». Опять требуется внимательное и осторожное изслѣдованіе причинъ, крестьянину гдѣ же тамъ разобраться въ явленіяхъ, или увидать звѣрка, онъ конечно и создаетъ свой культъ поклоненія духамъ, и трудно безусловно убѣдительно опровергнуть заблужденіе, когда человѣкъ увѣряетъ, что шорохъ слышалъ въ «пустомъ» помѣщеніи.

Конечно, по попущенію Божію, злой духъ можетъ устрашать суевѣрнаго человѣка, но какъ духъ онъ не долженъ бы дѣйствовать на вещественные предметы, чтобы стучать ими или передвигать ихъ. Его область дѣйствія совсѣмъ другая,—скорѣе онъ будетъ дѣйствовать на воображеніе или на чувства самого человѣка, производя въ немъ страхъ или ложныя ощущенія.

Послѣ ужина, который состоялъ изъ жидкой, рисовой кашицы, яицъ и другихъ продуктовъ, принесенныхъ намъ христіанами, мы вышли изъ душнаго помѣщенія фанцзы на волю. Сумерки тихаго лѣтняго вечера уже спустились на сосѣдній съ нами садъ, отдѣленный лишь гаоляновымъ заборомъ, по которому красиво вились плети тыквъ и повители. На чистомъ, глубокомъ небѣ поднималась луна, чуть затуманенная легкою паутишкою тонкихъ облаковъ. Чарующій цѣльностью впечатлѣнія пейзажъ мирнаго уголка деревни успокоительно дѣйствовалъ на чувства. Мы просили старика хозяина отпереть ворота, думая что тамъ ожидаетъ народъ, и это предположеніе оказалось правильнымъ. Тотчасъ же дворъ гостинницы сталъ наполняться поселянами, вернувшимися съ работъ. Надо было разсадить ихъ такъ, чтобы всѣмъ было слышно и самимъ намъ выбрать удобное мѣсто. Таковое нашлось у яслей, а народъ раздѣлился на три партіи. Большая часть сидѣла на бревнахъ, другіе стояли у яслей и ближе къ фанцзамъ. Такимъ образомъ весь дворъ обратился въ аудиторію. Всего слушателей было до полутора ста человѣкъ, изъ которыхъ половина осталась до конца поученія. Сначала всѣ стояли довольно далеко, но затѣмъ постепенно, намираемые огъ воротъ новопришлыми и другой какой-то силой все ближе и ближе становились въ проповѣднику, соблюдая пол-

ную тишину и порядокъ. Многіе сидѣли на корточкахъ, мальчики группами, обнявшись, внимательно слушали. Луна ярко освѣщала эту своеобразную картину и блѣдное лицо проповѣдника, который, плавно жестикулируя обѣими руками, велъ бесѣду внятно, съ толковой и сдержанной интонаціей. О. Михайлъ, одѣтый въ черный подрясникъ, все время бесѣды около двухъ часовъ оставался на ногахъ, хотя ему нѣсколько разъ предлагали изъ уваженія стулъ. Я стоялъ неподалеку въ толпѣ, такъ чтобы можно было хорошо слышать проповѣдь и наблюдать дѣйствіе ея на слушателей. Мы заранѣе условились о чемъ говорить. Исходной точкой для поученія должна была послужить луна, дискъ которой такъ ярко сіялъ на небосклонѣ. Сказавъ нѣсколько словъ о планетѣ, о. Михайлъ сталъ опровергать существованіе на ней какого-либо духа. Кто-то изъ толпы спросилъ о фазахъ луны и причинахъ затмѣнія солнца. Принесли арбузъ и началась коротенькая лекція по математической географіи. Спрашиваемъ, понимаютъ-ли, отвѣчаютъ, что поняли. О. Михайлъ переходитъ къ изложенію понятія о Богѣ какъ Творцѣ міра и человѣка, о грѣхопаденіи, столпотвореніи, доказывая, что всѣ люди—братья. Потомъ изложено кратко о Спасителѣ и искупленіи, о второмъ пришествіи Его, воскресенія мертвыхъ и жизни вѣчной. Затѣмъ предлагаемъ имъ резюме всего сказаннаго въ видѣ повторенія: во что должно вѣрить, кого любить и на что надѣяться. Слушаютъ внимательно, подакиваютъ. Спрашиваемъ вѣрятъ, отвѣчаютъ, что вѣрятъ. Впрочемъ мальчики впередъ взрослыхъ. О. Михайлъ предлагаетъ затѣмъ записаться въ слушающіе ученіе, всѣ молчатъ, стѣсняются начать подписку. Опять спрашиваемъ ихъ: вѣдь вы не знаете истиннаго Бога, вѣдь вамъ надо Его знать? такъ, вотъ мы вамъ и будемъ говорить о Богѣ, за тѣмъ сюда и пріѣхали. Да спрашиваютъ, на долго ли мы сюда? Говоримъ, что завтра ѣдемъ чуть свѣтъ. Такъ какже учиться. Наконецъ добились мы отъ нихъ толку,—узнали, что большинство изъ нихъ уже разъ записались къ слушанію проповѣди при о. Христофорѣ, но ничего изъ этого не вышло, такъ они и остались въ «цзи-минъ-дахъ» безъ учителя и наставленія. Этого списка при отцѣ Михайлѣ не оказалось, да едва ли и въ Юнпинфу нашель бы онъ теперь его, вѣдь семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. А интересно было бы теперь провѣрить его по натурѣ. Обращаемся къ Діомиду. Чтожъ ты, братъ, человѣкъ грамотный,—почему же не учишь вѣрѣ односельчанъ. Это вѣдь твоя священная обязанность,—ты христіанинъ, у тебя племянникъ ученый, вы вдвоемъ могли бы хоть кого научить? Діомидъ жметса, не знаетъ что сказать. Конечно въ прошедшіе года онъ и самъ

не заглядывалъ въ книгу. Нужно будить человѣка, напоминать ему о небесномъ, иначе земная трясина быстро затягиваетъ его и потопляетъ съ головою. Такъ какъ слушатели заявили намъ о своей вѣрѣ въ Бога, то о. Михаилъ предложилъ имъ толкованіе на молитву Господню, внушая при этомъ, что они дѣти Божіи, что къ Нему должны обращаться и просить, и что должно просить. Насколько эти истины запали въ сердце ихъ нельзя было провѣрить, такъ какъ одинъ изъ слушавшихъ о томъ, что Богъ подаетъ людямъ вся благая, спросилъ: какъ идетъ дождь, откуда вѣтеръ и какъ бываетъ громъ и молнія? Не обращая вниманія на то, что этотъ человѣкъ навѣрное зналъ о всемъ этомъ и спросилъ лишь испытывая насъ, знаемъ ли мы о. Михаилъ тотчасъ далъ ему толковое и обстоятельное съ примѣрами изложеніе атмосферныхъ явленій, заключивъ, что законы имъ положены Богомъ. Спрашиваемъ, поняли ли, говорятъ, что поняли. Но конечно отъ пониманія до живой вѣры, до измѣненія своихъ суевѣрій, вкоренившихся вѣками, еще цѣлая бездна. Нужно время для переработки въ сознаніи предложенныхъ истинъ, при постоянномъ напоминаніи ихъ.

Такъ какъ было уже поздно, одиннадцатый часъ, то пришлось распустить народъ, а съ оставшимися одними христіанами (пять человѣкъ) мы еще долго бесѣдовали, но ни къ чему не пришли. Все выходитъ, что нѣтъ учителей, преданныхъ дѣлу проповѣди. Жиль бы тутъ такой человѣкъ, то нашлось бы и помѣщеніе и аудиторія.

Вообще этотъ вечеръ оставилъ въ насъ глубокое впечатлѣніе.

Дневникъ, веденный въ Пекинѣ съ 1-го декабря 1830-го года.

Выѣхали въ одной повозкѣ съ однимъ верховымъ. Путь нашъ пролегалъ чрезъ Хуанъ-ченъ. Мы въѣхали въ оный чрезъ ворота Дунъ-ань-мынь, а выѣхали въ Ди-ань-мынь и продолжали слѣдовать по прямой и довольно широкой улицѣ, чрезъ мостъ Ванъ-пинъ-цяо, отѣхавъ нѣсколько далѣе впередъ мы повернули налѣво въ улицу идущую дугою малаго изгиба, отѣхавъ высокую башню Гу-лоу съ литаврою (см. опис. Пекина стр. 66.) мы ничего незамѣтили особеннаго въ сей башнѣ. Она вышиною съ городскую надъ воротами башню, а съ четырехъ сторонъ огорожена каменнымъ заборомъ съ воротами, отъ коихъ

идутъ каменные вверхъ помосты къ возвышенному основанію башни подъ кою есть сквозные ворота въ нижнемъ и верхнемъ этажѣ. За сею башнею въ томъ же направленіи видна другая-съ колоколомъ ¹⁾ называемая Чжунъ-лоу, подобной архитектуры, издали она показалась мнѣ миниатюрнѣе. Мы выѣхали изъ города въ ворота Дэ-шень-мынь и тотчасъ переѣхавъ мостъ на каналъ, повернули влѣво по прекрасной дорогѣ, съ одной стороны она прилегаетъ къ зауруженному каналу, а съ другой граничиться съ огородами предмѣстій Пекина. Вскорѣ она дѣлаетъ изгибъ вправо, удаляясь нѣсколько отъ пруда на С.-З. I. П. объяснилъ мнѣ почему сія дорога такъ хороша, причина достаточная. Государь часто выѣзжаетъ по сей дорогѣ въ загородный Дворецъ Юань-минъ-юань, а потому и полицмейстера почти всякій день ея смотрять. Съ обеихъ сторонъ оной вырыты чисто глубокіе рвы. Чѣмъ далѣе, тѣмъ изгибы дороги болѣе и болѣе отклоняются къ сѣверу. По обѣимъ сторонамъ вы видите сельскіе разбросанные домики или мазанки, вездѣ деревья большею частію можжевельникъ, насажены вокругъ гробницъ или могильныхъ памятниковъ. Ёдешь, точно какъ бы садомъ, при дорогѣ мы миновали нѣсколько небольшихъ трактировъ, въ коихъ подъ рогожнымъ навѣсомъ поставлены столики и скамейки для желающихъ утолить жажду чаемъ и вмѣстѣ отдохнуть. Кладбища нѣсколько знаменитыхъ отдѣлены стѣнками со всѣхъ четырехъ сторонъ имѣющихъ ворота отъ дороги, у другихъ же сквозная кирпичная фигурная стѣнка выведена токмо къ дорогѣ, есть и воротцы, у незажиточныхъ камни или кучи коническія надъ могилами находятся среди ихъ пашень. Около камней съ одной стороны мы замѣтили дѣлается валикъ изъ дикаго камня, обмазанный глиною въ видѣ подковы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и сдѣланы токмо сіи валики, вѣроятно заготовлено мѣсто живымъ для будущаго своего жилища, въ подражаніе императорамъ, которые съ перваго года своего царствованія начинаютъ сами для себя строить великолѣпныя кладбища, издерживая на оныя знатныя капиталы. Въ 1^{1/2} верстѣ отъ городскихъ воротъ, мы переѣхали или проѣхали сквозь древній валъ идущій отъ С-З угла Пекина къ сѣверу на большое пространство, онъ довольно еще сохранился, сказываютъ что это западная черта древняго Пекина и что съ южной стороны, оный еще далѣе простирается отъ городскихъ стѣнъ. Отсюда до капища мы ѣхали еще версты съ двѣ по гладкой и широкой дорогѣ, между пашень,

¹⁾ литавры и колокола съ наружи непримѣтны,

кладбищъ и разбросанныхъ домиковъ, на нѣкоторомъ разстояніи есть маленькія кумиренки, мелочныя лавочки и трактиры. По всему пути намъ встрѣчались повозки съ гуляющими и нѣшіе, также довольно женскаго пола. Около кумирни было весьма много обоего пола, входящихъ и выходящихъ изъ оной. Наружный видъ сихъ кумиренъ совершенно сходенъ со всѣми доселѣ мною видѣнными, т. е. имѣетъ большія ворота подъ навѣсомъ, высокую ограду, изъ коей видны кровли зданій крытыхъ черепицею, также высокіе два столба, на коихъ по случаю праздниковъ вывѣшены флаги съ надписями. Вошедши въ боковыя ворота мы прошли первый дворъ на коемъ возвышаются почтенныя кипарисы и старыя можжевеловыя деревья, потомъ на 2-й дворъ, тутъ выставлены большіе шесты съ флагами, есть каменные мраморныя плиты, поставленныя на черепахахъ съ надписями, и извѣченныя изъ камня львы, покоющіеся на высокихъ каменныхъ пьедесталахъ; капища были отворены, тамъ сидѣли по два и по одному дежурному хошану; если жертвующіе приближались, то дежурный ударялъ въ чугунный лежащій на столѣ колоколь. Посмотрѣвъ наскоро капища въ коихъ расположеніе Бурхановъ и внутреннее убранство совершенно подобно какъ и въ другихъ кумирняхъ, мы продолжали идти далѣе, ибо день уже склонялся къ вечеру. На третьемъ дворѣ подобное же капище, только нѣсколько обширнѣе и предъ онымъ есть вродѣ невысокихъ башенокъ, одна съ колоколомъ, а другая съ барабаномъ, и наконецъ между IV и V дворами высокая башня, обыкновенной китайской архитектуры съ большимъ колоколомъ, куда текли народныя толпы, куда и меня влекло любопытство. Мы вошли вмѣстѣ съ другими въ южныя двери по двумъ ступенямъ и тотчасъ поражены были огромною величиною прославленнаго колокола. Съ низу въ поперечникъ оный, какъ мнѣ показалось имѣтъ аршина четыре, къ верху уже однако болѣе двухъ аршинъ подъ самыми ушками, высоты аршинъ шесть слишкомъ ¹⁾ и потому некажется коническимъ, - подъ симъ колоколомъ въ зданіи сдѣлано четырехугольное углубленіе съ маленькою лѣсенкою для схода въ оное и перила каменные, на двѣ коего мы видѣли множество мѣдной китайской монеты набросанной сверху въ круглую дыру, сдѣланною подъ ушками. Колоколь сей вылить изъ мѣди имѣетъ видъ нашей бронзы; на немъ весьма чисто отлиты китайскіе литеры вдоль, верхній же кругъ испещренъ тибетскими надписями, начинающимися отъ самой дыры. Въ немъ нѣтъ языка, такъ какъ. и во-

¹⁾ Всеу содержитъ, какъ сказывалъ одинъ старшій хошанъ о. Данилау, колоколь сей 84, 000 цановъ, или на русскіе пуды 2896 пуд. 24 ф. и 6 зол. 29

всѣхъ здѣшнихъ колоколахъ. Съ народомъ мы взошли на хоры, сдѣланные подъ самымъ сводомъ башни, наровнѣ съ верхнею оконечно-стію кольца продѣтаго въ ушко. Мы вошли на хоры по лѣсенкѣ довольно узкой и крутой около сѣверной стѣны находящейся, она идетъ изгибомъ и раздваиваетъ, такъ что входящіе и выходящіе другъ другу не мѣшаютъ. Верхняя часть башни, гдѣ хоры-деревянныя, восьмиугольная, кругомъ въ рѣшотчатыхъ окнахъ заклееныхъ бумагою. На лѣстницѣ, на верху и внизу стоятъ дежурные хошаны для порядка и сбора монеты. Перила у хоръ столь ветхи, что отъ легкаго прикосновенія готовы обрушиться, а потому хошанъ и предостерегаетъ всѣхъ не облакачиваться. Кольцо, продѣтое въ ушко колокола имѣющее толщины болѣе $\frac{3}{4}$ аршина надѣто на толстый квадратный брусъ, имѣющій 1 аршинъ рос. въ квадратѣ, сей лежитъ на двухъ поперечныхъ такихъ же брускахъ, и наконецъ эти два на двухъ другихъ длинныхъ. Брусъя сіи изъ самаго крѣпчайшаго дерева связаны желѣзными полосами выкрашены красною краскою. Многіе тутъ находившіеся обоего пола бросали въ дыру деньги и я также по пробовалъ, но болѣе не удачно, дыра сія имѣетъ $\frac{1}{4}$ аршина въ діаметрѣ. Въ скважины разодранной бумаги обращенныхъ на Ю.—В. оконъ видѣнъ С.—З уголь пекинской стѣны, прочія же части заслонены высокими деревьями растущими на всемъ пространствѣ между сею кумирнею и столицею, а въ другую сторону въ С.—З окна, виденъ увеселительный императорскій дворецъ Юань-минъ-юань, прислоненный къ горамъ. Я сожалѣлъ, что не взялъ съ собою бусоли, ибо отсюда можно бы взять направленіе на упомянутые предметы. Удовлетворивъ любопытство мы пошли изъ кумирни, на послѣднемъ дворѣ одинъ хошанъ приглашалъ насъ къ себѣ на чай, но мы поблагодарили за его ласку, отзываясь, что уже дозволено поздно, а надобно поспѣшать въ городъ. Тутъ же встрѣтился намъ знакомый І. П. молодой лѣтъ 15 хошанъ, переведенный сюда изъ кумирни въ Западныхъ горахъ находящейся. Поговоривъ съ нимъ немного, мы прошли пѣшкомъ, ѣхель изъ кумирни до поворота дороги влѣво, а между тѣмъ извощикъ отпрегшіи своего мула, котораго водили мальчики, наперебой предлагающіе свои услуги всѣмъ пріѣзжающимъ, догналъ насъ. Мы вѣхали въ городъ въ тѣ же Дэ-шенъ-мыньскіе ворота и тѣми же улицами возвратились домой, прибывъ въ посольскій нашъ дворъ около 5-ти часовъ вечера. Особеннаго въ пути мною ничего незамѣчено.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*Копія.**Циркулярно.*

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА
ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода,

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе одного изъ епархіальныхъ Преосвященныхъ о необходимости снабженія отправляющихся во Святую Землю священнослужителей свидѣтельствами о несостояніи ихъ подъ запрещеніемъ въ священнослуженіи. И, по справкѣ, **Приказали:** Одинъ изъ епархіальныхъ Преосвященныхъ объясняетъ, что въ бытность его въ Іерусалимѣ, на поклоненіи святымъ мѣстамъ Востока, Блаженнѣйшій Даміанъ, Патріархъ Іерусалимскій, обратилъ его, Преосвященнаго, вниманіе на тѣ затрудненія, которыя нерѣдко приходится испытывать какъ самому Патріарху, такъ и прибывшимъ изъ Россіи паломникамъ изъ священнослужителей при разрѣшеніи вопроса о допущеніи послѣднихъ къ священнослуженію, такъ какъ особыми отъ мѣстныхъ Преосвященныхъ свидѣтельствами о несостояніи подъ запрещеніемъ въ священнослуженіи запасаются весьма не многіе. Правда, въ выдаваемыхъ отправляющимся во Святую Землю священнослужителямъ епархіальными начальствами билетахъ почти всегда прописываются свѣдѣнія о безпрепятственности ихъ къ священнослуженію, но билеты эти отбираются отъ паломниковъ при полученіи ими заграничныхъ паспортовъ изъ Одесскаго градоначальства, а въ сихъ послѣднихъ, свѣдѣнія о несостояніи подъ запрещеніемъ не прописываются. Донося объ изложенномъ, Преосвященный ходатайствуетъ о подтвержденіи, къ исполненію, опредѣленія Святѣйшаго Синода, опубликованнаго въ № 5 Церковныхъ Вѣдомостей за 1890 г., о томъ, чтобы епархіальные Преосвященные отправляющимся во Святую Землю священнослужителямъ выдавали отъ своего имени удостовѣренія о несостояніи ихъ подъ запрещеніемъ въ священнослуженіи. Выслушавъ изложенное и принимая во вниманіе, что по вопросу о снабженіи священнослужителей, прибывающихъ въ Палестину на поклоненіе Святымъ мѣстамъ, удостовѣреніями о правѣ ихъ священнодѣйствовать, отъ Святѣйшаго Синода въ 1890 году послѣдовало разъясненіе по духовному вѣдомству черезъ печатаніе въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: подтвердить епархіальнымъ Преосвященнымъ о томъ, что-бы они, при увольненіи священнослужителей въ Палестину, для поклоненія Святымъ мѣстамъ, независимо отъ выдачи отпускнаго билета, неопустительно снабжали таковыхъ лицъ *отдѣльными* удостовѣреніями о несостояніи ихъ въ запрещеніи священнослуженія, съ указаніемъ срока разрѣшеннаго имъ заграничнаго отпуска; о чемъ епархіальнымъ Преосвященнымъ, для точнаго въ подлежа-

щихъ случаяхъ исполненія, послать циркулярные указы. Августа 31 дня 1911 года.

Подлинный указъ подписали:

Оберъ-Секретарь Г. Левицкій.

Секретарь Ст. Половъ.

О снабженіи отправляющихся въ Палестину, для поклоненія Святымъ мѣстамъ, священнослужителей удостовѣреніями о несостояніи ихъ подѣ запрещеніемъ.

Открыта подписка

на журналъ

„Китайскій Благовѣстникъ“,

органъ Россійской Духовной Миссіи въ Китаѣ,
на 1911 годъ.

Цѣна за годъ (12 выпусковъ) 3 Рубля. Допускается
разрочка по полугодіямъ.

Подписка принимается: 1) Въ Россійской Духовной Миссіи въ г. Пекинѣ, 2) С-Петербургѣ на подворьѣ Миссіи— Воронежская 10 и 3) Въ г. Харбинѣ—пристань при Благовѣщенской церкви Миссіи.

Тамъ же можно приобрѣтать и другія изданія Миссіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Рай и адъ, вѣчное блаженство и мученіе.	1.
Значеніе религіи въ дѣлѣ воспитанія.	7.
Престольный праздникъ.	19.
У яслей.	20.
Дневникъ, веденный въ Пекинѣ съ 1-го декабря 1830-го года. (Продолженіе).	27.
Официальный Отдѣлъ.	31.
Объявленія	32.

Редакторъ Архимандритъ
Аврамій.

Печатать дозволяется
Епископъ Иннокентій.

Г. ПЕКИНЪ.

Типографія Успенскаго Монастыря при Русской Духовной Миссіи.
1911.